Текст · 24 декабря 2020, 07:08
Барият Идрисова,

«По судам нас водит, позорит перед всеми». Жительница Чечни пытается вернуть дочь, которую уже 15 лет воспитывает чужая семья

В 2005 году жительница Чечни Малика Хамзатова разлучилась с годовалой дочерью Маккой из-за обвинений в неверности. Малику выгнали из дома, и пока она жила отдельно, семья ее мужа передала девочку на воспитание своим родственникам в Ингушетию. Уже 15 лет Хамзатова пытается вернуть ребенка. Хотя правоохранительные органы и суд признали, что у новой семьи Макки нет на нее прав, девочка продолжает оставаться в доме родственников. Барият Идрисова рассказывает, почему ни надзорные органы, ни обращение к Рамзану Кадырову не помогли матери вернуть ребенка.

«Уважаемый Рамзан Ахматович, именем Аллаха прошу отозваться и помочь вернуть мою дочь, которая находится у чужих людей, и не знает, что у нее есть родная мать, братья и сестры. Помогите, пожалуйста, все на меня давят со всех сторон», — с такими словами жительница Чечни Малика Хамзатова в 2017 году обратилась в письме к главе республики Рамзану Кадырову. В обращении она подробно рассказала, почему ребенок оказался в другой семье вопреки ее воле.

Малика вышла замуж в 26 лет и переехала в село Самашки, где поселилась с мужем Тимирханом Зархаматовым в доме его родителей. В 2005 году,

спустя семь лет после их женитьбы, семья мужа со скандалом выгнала невестку из дома. Ее обвинили в том, что она изменяет супругу, пользуясь тем, что он «не в себе» — Тимирхан, по словам родственников, был контужен на чеченской войне и с годами его психическое состояние ухудшалось[1]. К этому времени у пары было трое дочерей, младшей из которых, Макке, исполнилось год и три месяца.

По местным традициям дети при разводе родителей остаются в семье отца, но Малике позволили забрать с собой младшую дочь, которая была на грудном вскармливании. Однако, когда в семье Хамзатовой узнали причину размолвки, ее брат потребовал отдать девочку в семью Тимирхана — в знак протеста и несогласия с позорными обвинениями. Ослушаться его Малика не могла.

«Мой брат строгий. Он сказал, что не разрешит оскорблять свою сестру», — объясняет она решение брата. Поэтому ее сестра отнесла девочку к соседям Тимирхана и передала ребенка через них. Малика несколько раз тайком от родственников виделась со своими старшими дочерьми и расспрашивала их о здоровье младшей.

Спустя год после скандала, в 2006 году, семья Тимирхана, не сумев доказать обвинения в изменах, предложила Малике помириться с супругом. Подруга и соседка Малики Эльза, уверена, что Хамзатову выгоняли вовсе не из-за мнимой неверности, а чтобы она перестала рожать детей[2] от психически нездорового супруга. Позвали Малику обратно, по

ее версии, чтобы она «как санитарка, как техничка» ухаживала за заболевшей свекровью.

Вернувшись, Малика не обнаружила дома младшую дочь. Родственники Тимирхана, вспоминает она, сначала уходили от ответа, а потом сообщили, что ребенка отправили лечиться в Германию. «У меня чуть инфаркт не случился. Конечно же, я начала сильно волноваться. Беспокойство не покидало меня, я потребовала, чтобы мне вернули дочь. Тогда мне свекровь ответила, что она продала мою дочь ингушам», — написала она позднее главе Чечни. Оказалось, что Макку передали племяннице-[3] Тимирхана по имени Айшат в ингушское село Мужичи. По словам Малики, семья мужа получила за это деньги.

Две семьи

В конце 2006 года Малика уговорила мужа отвезти ее к новой семье Макки. Во дворе нужного дома их встретили супруги Айшат Евлоева и Магомет Балаев. Они, по словам Малики, агрессивно отреагировали на просьбу отдать ей ребенка: начали ругаться, кричать и несколько раз ударили ее. По версии Магомета Балаева, Малика сама набросилась на его жену, а он никогда не поднимал руку на женщину, так как «знает вайнахские законы».

По словам Малики, супруги объявили ей, что купили девочку за миллион рублей и отдадут ее, только если им вернут деньги. Малика попросила вступиться за нее местного муллу, но это не помогло — она отправилась домой без дочери.

Супруги Евлоева и Балаев отрицают, что покупали девочку. По их версии, ребенка им передали, потому что за ним некому было ухаживать. По словам Айшат, когда Тимирхан передавал ей дочь, он просил ее прогнать Малику, если вдруг она за ней придет. Ее супруг отметил, что ребенка они не отдали, потому что «отец девочки об этом не просил».

Малика говорит, что родственники мужа не хотели, чтобы она продолжала рожать детей от Тимирхана, поэтому свою четвертую беременность в 2009 году она скрывала от них до седьмого месяца. Семья супруга не поддерживала ее желание забрать Макку у новых родителей и запретила ей обращаться в правоохранительные органы.

Несмотря на давление, в 2007 году Малика обратилась в Ачхой-Мартановскую межрайонную прокуратуру Чечни с просьбой помочь ей вернуть дочь. Это не понравилось брату мужа, Магомеду. По словам Малики, он устроил скандал, потребовал забрать заявление, пообещав, что сам привезет ей ребенка.

«Тогда я сильно испугалась его угроз и вынуждена была сказать в прокуратуре, что дочь мне вернули и претензий не имею», — рассказывает Малика. Однако Магомед обещание не выполнил, поэтому она вновь обратилась в надзорный орган. В ответном письме сообщили, что ребенка ей уже отдали.

Последующие годы Малики пыталась вернуть дочь собственными силами. Она вспоминает, что несколько раз ездила к ее новой семье, приезжала к ней в школу, но девочку от нее прятали.

В 2009 году во время предновогодней прямой трансляции Рамзана Кадырова Хамзатова отправила в эфир телевидения сообщение с просьбой помочь ей. Решение этого вопроса поручили муфтияту. Там ее деверя Магомеда обязали вернуть ей дочь, говорит Малика, однако родственник только делал вид, что пытается ей помочь: «Он сказал, что он вонзит в мой живот вилы, если я не перестану ворошить эту тему, и если кто-то еще раз побеспокоит его этим».

История разлуки Малики с Маккой стала публичной, когда в 2015 году ее средняя дочь, Хава, разослала голосовое сообщение в *Whatsapp*, в котором попросила Рамзана Кадырова помочь вернуть сестру.

В сообщении, которое разлетелось по мессенджеру, девочка рассказала, что когда ей было четыре года, ее мать выгнали из дома, а младшую сестру дядя, тетя и бабушка продали в Ингушетию. Полиция проверила это сообщение, но отказала в возбуждении уголовного дела, не найдя в действиях Евлоевой и Балаева состава преступления.

Судя по постановлению об отказе в возбуждении дела, дядя и тетя[4] девочек в беседе с полицейскими утверждали, что не продавали ребенка, а отдали на воспитание. По их словам, другого выбора не было: им пришлось бы отдать девочку в детский дом, так как ее мать отказывалась забирать ее, несмотря на их просьбы.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Кроме того, проверка инспекторов установила, что семья Малики проживает на жилплощади в 45 кв метров, «в несоответствующих нормам санитарных условиях». Ее дети, заключила инспекция, нуждаются в социальной и психолого-педагогической помощи, а их отец устранился от воспитания. К этому времени Малика родила от Тимирхана пятого ребенка.

В результате шумихи, вызванного сообщением Хавы, в администрации Ачхой-Мартановского района организовали встречу конфликтующих сторон. По словам Малики, тогда она увидела свою дочь впервые с момента расставания в 2005 году. Девочке исполнилось 11 лет.

Участники беседы договорились, что Хамзатова будет регулярно видеться с дочерью и налаживать с ней общение. Однако этого не происходило: Малика

говорит, что ей препятствовали супруги Айшат и Магомет, а те — что она не проявляла инициативу.

По словам Малики, она получили номер телефона Макки, но в переписках от ее имени писал родной сын Евлоевой. От Макки они получили только одно сообщение, в котором та сказала, что не хочет общаться с сестрами. Малика уверена, что ее дочь настраивают против родной семьи. По версии Айшат, Макка просто не нашла общий язык с сестрами, так как те ее обзывали.

«Мои родители, наоборот, говорят, чтобы я общалась с сестрами, с мамой настоящей, но я не хочу. Я раньше общалась с сестрами, но они меня начали обзывать, говорить мне, что я чеченка, а не ингушка и поэтому я перестала с ними общаться», — говорит сама Макка.

По словам старшей дочери Малики, Саиды, она пыталась поговорить с сестрой, но та не была на это настроена: «Я сказала, что она наша сестра, что в ней течет чеченская кровь и что мы ее любим. Мы пытались с ней общаться, писали ей: "Как дела?", но она нам не часто отвечала. Я и моя сестра объясняли, что мы ее не бросили, не отдали, но она говорила: "Надоели, идите к черту"».

> В Чечне и Ингушетии в большинстве случаев дети после развода родителей остаются в семье отца, объясняет директор Центра анализа и профилактики конфликтов, эксперт по Северному Кавказу Екатерина Сокирянская. Для других республик Северного Кавказа, по ее словам, это не характерно.

> «Род отца берет на себя ответственность и отвечает за ребенка в случае конфликта, кровной мести, инвалидности. Если, например, отец умер, то женщина может выбрать: остаться в его семье, и, не выходя замуж, воспитывать своих детей, или она уходит, но оставляет детей семье супруга. Бывает так, что детей отдают на воспитание другим родственникам. Я не слышала про случаи, чтобы продавали, их просто передают. Обычно бездетным родственникам. Правда, если мать возвращается к мужу, она имеет право забрать своих детей», — говорит Сокирянская.

В 2015 году по требованию прокуратуры полиция Ачхой-Мартановского района проверила законность удочерения Макки. Она установила, что ребенок был передан на воспитание и оснований для возбуждения уголовного дела не нашла. В заключении говорится, что условия проживания ребенка в новой семье соответствуют нормам, а сама девочка хочет остаться с воспитавшими ее родителями. Прокуратура отменила это постановление, посчитав, что проверка была поверхностной, но новая проверка также не нашла оснований для возбуждения дела.

Между тем полиция в Ингушетии установила факт подделки свидетельства о рождении Макки. В настоящем свидетельстве, которое осталось у родной матери, указано, что Макка родилась 11 февраля 2004 года. У ее новой семьи оказалось свидетельство о ее рождении с другой датой, а настоящие фамилия и отчество — Хамзатова Макка Тимирхановна — были изменены.

По словам Айшат, когда она взяла Макку на воспитание, хотела оформить над ней опекунство, но так как для этого требовалось собрать «слишком много документов» она решила «оформить ее как свою дочь». Оформлением, по ее словам, занималась бабушка, уже покойная мать Тимирхана. Полиция не стала возбуждать уголовное дело о подделке документа из-за истечения срока давности преступления. Поддельное свидетельство при этом было аннулировано лишь спустя два года по иску прокуратуры.

В 2017 году Малика обратилась за помощью к адвокату Малике Абубакаровой, которая начала заниматься ее делом совместно с организациями «Права женщин» и «Правовая инициатива». Она рассказала «Медиазоне», что новые родители Макки в 2017 году оформили над ней предварительное опекунство на основании уже аннулированного свидетельства о рождении. Они, по ее словам, предоставили в администрацию Сунженского района аннулированное свидетельство, изменив в нем дату рождения с 2006 года на 2005-й.

По словам Абубакаровой, администрация оформила предварительное опекунство, зная, что предоставленный документ уже аннулирован. Предварительная опека, отмечает адвокат, устанавливается на срок до восьми месяцев, чтобы ребенок не оставался без надзора до определения постоянных опекунов. Однако, давая опеку Евлоевой и Балаеву, администрация не установила дату ее окончания. В ноябре 2017 года Малика обратилась в Сунженский районный суд Ингушетии с требованием отобрать дочь у новой семьи и признать

предварительное опекунство Евлоевой и Балаева незаконным. К этому времени Макке исполнилось тринадцать лет.

Суд

— Как хочет, так и ведет себя! По судам нас водит, позорит нас перед всеми! Не к чужим же людям [девочка] попала! — упрекала Малику сестра ее мужа Тимирхана в суде. Разбирательство началось в ноябре 2017 года и проходило на повышенных тонах, сопровождаясь перепалками между Маликой и ответчиками — супругами Айшат Евлоевой и Магометом Балаевым.

Родственники Тимирхана во время суда несколько раз повторяли, что раз мать сама вернула ребенка после размолвки с мужем, значит, дочь ей была не нужна. Ухаживать за девочкой, по их словам, было некому, поэтому они подыскали ей новую семью.

— То, что [мы девочку] продали и не давали [Малике с ней] видеться — это все неправда, — говорила родственница Тимирхана на суде.

Другие члены семьи супруга Малики также отмечали, что Макку не продали, а отдали на воспитание, так как ее бабушка заболела и была не в состоянии ухаживать за маленьким ребенком.

По словам сестры Тимирхана, он даже ходил по родственникам и просил забрать дочь. Она вспоминает, что ему пришлось уговаривать Айшат взять ребенка себе. Та, по ее словам, сомневалась — опасалась, что спустя какое-то время, когда девочка к

ней привыкнет, ее захотят забрать обратно. Тимирхан заверил, что этого не произойдет.

Адвокат Малики напоминала свидетелям об обстоятельствах размолвки между Тимирханом и Маликой, считая, что они умалчивают реальную причину, из-за которой ее клиентке пришлось отдать им ребенка. Малика в свою очередь утверждала, что вернула ребенка не потому что не любила и не хотела его воспитывать, а потому что брат не хотел оставлять за своей семьей позора, спровоцированного обвинениями в изменах.

Малика уверена — если бы родные Тимирхана отдали ребенка бесплатно, то Айшат и Магомет вернули бы Макку сразу после ее примирения с мужем. На одном из заседаний Хамзатова сообщила, что новые родители ее дочери потребовали заплатить 20 тысяч долларов за возвращение девочки.

— Если Коран сюда принесете, я могу поклясться на Коране, — возмущалась истица.

— Я сказал, что и за два миллиона долларов [Макку] не отдам, — отреагировал на это ответчик Магомед.

Суд назначил психолого-психиатрическую экспертизу Макки в республиканском психоневрологический диспансере Ингушетии. Эксперты учреждения пришли к выводу, что девочка не хочет общаться с Маликой, так как считает ее чужой. Они также определили, что формальные родители не настраивают ее против биологической матери.

Согласно заключению экспертов[5], общение с родной матерью нанесло девочке психологическую травму, и если в будущем оно продолжится, то может «негативно отразиться на формировании зрелой личности». По их мнению, восстановление общения с родной матерью является «нецелесообразным», поскольку девочка не испытывает к ней привязанности.

Экспертов, готовивших заключение, вызвали в суд. Они, по словам адвоката Абубакаровой, не смогли внятно ответить на ее вопросы.

«Они не смогли расписать, какими методиками пользовались. Они пишут, что общение с матерью будет травматичным для ребенка, но Малику они вообще не исследовали. Как в таком случае они могут делать такое заключение?» — говорит адвокат. Макка, по ее словам, во время экспертизы находилась под влиянием своей приемной матери Евлоевой: «Это подтверждается и самими экспертами, которые написали в исследовании: «Предложенные задания выполняет с неохотой, капризна, ждет одобрения со стороны Евлоевой. При одобрении появляется уверенность и утвердительность». То есть, девочка боится высказывать свое собственное мнение, огорчить Евлоеву».

Адвокат предоставила суду рецензию специалиста, кандидата психологических наук, который указал на нарушения и несоответствия в выводах экспертизы. Адвокат ходатайствовала о новой комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизе и просила провести[6] ее в Дагестане или в

Кабардино-Балкарии, но суд в повторной экспертизе отказал.

В августе 2018 года суд решил, что Макка должна остаться в семье, в которой выросла. Решение мотивировано тем, что она воспитывалась там с малолетнего возраста и сама не желает жить с родной матерью. Суд также отметил, что условия проживания в формальной семье лучше, чем условия в родной.

В требовании признать предварительную опеку над Маккой незаконной суд тоже отказал, сославшись на то, что срок действия опеки к этому времени истек. Суд вынес частное определение в отношении должностных лиц администрации района, которые своевременно не назначили ребенку опекуна.

«Девочка и сейчас в той семье находится без оснований. Над ней не могут оформить опекунство, так как родная мать не лишена родительских прав и не ограничена в них. Больше всего в процессе меня тревожила безответственность опеки, которая должна была выполнять самую важную роль в этой истории, но никак не реагировала», — говорит Абубакарова. Отцовство Тимирхана над Маккой и остальными детьми, по ее словам, не установлено, поэтому юридических оснований распоряжаться ребенком он не имел.

Право на семью

Верховный суд Ингушетии оставил решение суда первой инстанции в силе. Кассационная жалоба в

ВС республики также осталась без удовлетворения, а Верховный суд России отказался ее рассматривать.

Малика надеется, что вернуть дочь ей поможет Европейский суд по правам человека, куда она обратилась с жалобой о нарушении ее права на семейную жизнь.

За годы судебных разбирательств от нее окончательно отвернулись родственники мужа, отношения с Маликой они не поддерживают.

Макке исполнилось шестнадцать лет, но так как свидетельство о ее рождении находится у ее родной матери, законной возможности получить паспорт у нее не было. Адвокат запросила информацию о том, получала ли Макка паспорт, но ей пока не ответили.

Ситуацию Хамзатовой, которая до сих пор не может восстановить свои права на дочь, директор Центра анализа и профилактики конфликтов Екатерина Сокирянская называет нетипичной — обычно после возвращения женщины в семью мужа ребенка ей отдают. Но если супруги окончательно разрывают отношения, то добиваться возможности общаться со своим ребенком женщинам приходится через суд.

В большинстве российских регионов, по ее словам, суды при определении места жительства ребенка обычно встают на сторону матери, но в Чечне и Ингушетии нередко выносят решения в пользу отца, ссылаясь на лучшие экономические и жилищные условия.

«Даже если суды [в Чечне и Ингушетии] принимают решения в пользу матери, они нередко не исполняются, судебные приставы их просто саботируют. А родственники отца детей прячут, перевозят с одного дома в другой, скрывают от матери. Но механизмы защиты прав женщины все-таки есть. В Чечне работают несколько организаций очень сильных, опытных, с хорошей практикой и историями успеха, которые помогают в таких ситуациях», — рассказала Сокирянская.

По мнению президента благотворительного фонда «Волонтеры в помощь детям-сиротам» Елены Альшанской, ситуация Малики это классический пример того, почему нельзя жить в государстве, не соблюдая его законов, а действуя исходя из «местечковых порядков». Это, по ее словам, приводит к тяжелым историям, которые сложно распутать не только с точки зрения закона, но и интересов ребенка.

«В данным случае ребенок вырос в чужой, посторонней семье, которая оформила его на себя незаконным способом, — говорит Альшанская. — Это нарушение закона, нарушение прав ребенка и женщины, которой, видимо, не дали быть со своей дочерью. Из этой истории нет никакого понятного, хорошего выхода. Очевидно, что нельзя насильно забирать ребенка, теперь уже взрослого шестнадцатилетнего человека, к людям, которых он считает посторонними, от людей, которых он считает близкими и которые его вырастили. Трагедию развязали конкретные люди, и они в этом виноваты, но мы не можем решать эту проблему снова жертвуя ребенком, которым один раз уже пожертвовали, теперь уже не учитывая ее желания».

В этом конфликте, по ее мнению, могла бы быть медиация со стороны социальных служб или органов опеки, направленная на то, чтобы девочка начала общение с родной мамой с условием, что этого хочет сама девочка. «Когда в северокавказских республиках маму просто отстраняют от воспитания и общения со своими детьми, это вред, который наносится и ей и ребенку, и приводит к таким историям», — отметила Альшанская.

Редактор: Мария Климова

1. Врачи психическое растройство у Зархаматова не диагностировали.

2. В 2006 году у Тимирхана и Малики было три дочери.

3. У матери Айшат и у Тимирхана общая мать и разные отцы

4. Бабушки, которая тоже могла участвовать в передаче девочки родственникам, к этому времени уже не было в живых

5. В состав экспертной комиссии вошли психиатры Мальсагова, Евлоева, а также психолог Цицкиева из республиканского психо-неврологического и наркологического диспансера.

6. Первую экспертизу адвокат тоже просила провести в Дагестане или в КБР, чтобы исключить давление на экспертов.